На правах рукописи

ГАСПАРЯН Нина Карапетовна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» (на материале русского и армянского языков)

10.02.01 – Русский язык
10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Калининград
2022

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор **Берестнев Геннадий Иванович**
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор **Шарандин Анатолий Леонидович** (ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», профессор кафедры русского языка)
	кандидат филологических наук **Дронов Павел Сергеевич** (ФГБУН «Институт языкознания РАН», старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова)
Ведущая организация:	ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Защита состоится 13 мая 2022 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Балтийского федерального университета им. И. Канта https://kantiana.ru/postgraduate/dis-list/gasparyan-nina-karapetovna/

Автореферат разослан «__» _____2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета А.Н. Черняков

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена выявлению лингвокультурных констант в русском и армянском языках, семантическому анализу таких содержательных единиц, рассмотрению их реализации в русских и армянских фразеологизмах и паремиях, в рамках которой предполагается выявление места соотносимых констант в двух языковых картинах мира.

В настоящее время в языкознании активно обсуждаются проблемы, касающиеся содержательной и функциональной специфики языковых концептов, поскольку осознана их значимость для социальной и культурной жизни человека. Главная задача, которую ставят перед собой исследователи, – выявление их содержательной структуры в лингвокультурном сознании носителей языка, так как формируемые концептуальными системами знания определяют связь поверхностных семантических уровней языка с его глубинным содержанием. Детальному изучению концептов посвящены работы Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, Р. М. Фрумкиной, В. И. Карасика, Д. С. Лихачева, Г. Г. Слышкина и других исследователей.

Следуя в данном направлении, ученые выделили концептуальные образования особого рода, которые понимались и соответственно терминологически обозначались по-разному. Таковы, в частности, «константы» (Ю. С. Степанов), «культурные доминанты» (В. И. Карасик), этноспецифичные слова и их значения (А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев). У Н. Д. Арутюновой, С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова – это «концепт» вообще, у В. В. Воробьева – «лингвокультурема», у М. Лехтеэнмяки, В. Н. Базылева – «мифологема», у Е. М. Верещагина – «логоэпистема» и т. д. Расхождения существуют также в интерпретации содержательных структур концептов и в методах их анализа. О существовании в лингвистической науке подобных различий в понимании квантов знания о мире говорится в работе З. Д. Поповой и И. А. Стернина «Семантико-когнитивный анализ языка». Тем не менее, как отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, наиболее распространенным в науке о языке оказался термин «концепт», который стал ключевым в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии [Попова, Стернин 2007b].

В ряду концептуальных образований особого рода выделяются «константы» – лингвокультурные концепты, «существующие постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Степанов 1997: 76]. Их устойчивость в лингвокультурном сознании носителей языка свидетельствует также об их высокой значимости для человека. Таким образом, константы представляют собой содержания, особо значимые для лиц, принадлежащих соответствующей лингвокультурной традиции и во многом определяющие ее содержательное основание.

В настоящее время в языкознании обозначились три основных подхода к изучению лингвокультурных констант. Согласно первому подходу, константа может быть представлена любой лексической единицей. В соответствии со вторым подходом в

онтологическую сферу культурных констант входят содержательные единицы, которые обладают лингвокультурной спецификой и в которых зафиксированы особенности данной культуры. Согласно третьему подходу, к культурным константам относятся лишь те, которые ясно отражают менталитет народа. Таковыми, по мнению Ю. С. Степанова, являются «лишь некоторые ключевые концепты культуры, например, в русской культуре это «душа», «свобода», «воля», «любовь» и другие, которые являются релевантными для понимания духовно-ценностной ориентации культуры в целом» [Степанов 2004: 41].

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно способствует разработке одного из наиболее новых и перспективных направлений современных лингвистических исследований – сопоставительной лингвокультурологии. Данное направление обеспечивает получение новых и принципиально глубоких знаний об особенностях мировоззрения народов, их отношении к окружающей культурной действительности.

Цель работы – выявление на материале русских и армянских фразеологизмов, пословиц и поговорок структурно-семантических особенностей констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД», позволяющих определить национально-специфические фрагменты русской и армянской лингвокультурных картин мира.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач:**

– описание теоретических предпосылок исследования, основанное на анализе научной литературы по рассматриваемой проблематике;

– рассмотрение способов языковой репрезентации содержательной структуры лингвокультурных констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русском и армянском лингвокультурном сознаниях;

– выявление культурных контекстов, в которых фигурируют данные константы;

– осуществление лингвокультурологического анализа русских и армянских паремиологических единиц;

– установление сходств и различий в рассматриваемых картинах мира на материале культурных установок, репрезентируемых паремиями русского и армянского языков;

– выявление лингвокультурной специфики паремиологического материала, связанного с константами «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русском и армянском языках;

– рассмотрение отдельных культурных концептов с более общих позиций семиотики – в аспекте их предметной реализации (но с учетом языковых описаний).

Объектом исследования являются лингвокультурные константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» и лингвокультурные концепты, связанные с ними метонимически и представленные в русской и армянской фразеологии, включающей и паремии (В. Н. Телия). Основанием для обращения к языковым единицам такого рода с целью анализа отмеченных констант стала их культурная и прагматическая значимость и важность их роли в культуре того или иного народа.

Предметом исследования являются структурно-семантические особенности указанных констант в культурном сознании носителей русского и армянского языков. Использование лингвокультурного подхода позволяет получить данные о семантической структуре отмеченных констант и рассмотреть их как своего рода «хранилища» данных о системе ценностей, верованиях, мировоззрении двух народов.

Методы исследования. В работе использованы современные методы лингвистического анализа, определяющие концепт как культурное явление, поскольку он «имеет слоистое строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [Степанов 2004: 42]. К числу основных из них относятся:

1. *Концептуальный анализ*, позволивший вскрыть содержательную специфику концептов, определить их ядерные и периферийные признаки, тем самым заложить основы для дальнейших форм и видов семантического анализа.

2. *Лингвокультурный анализ,* позволивший выявить культурные контексты, в которых анализируемые концепты используются носителями языка, и тем самым определивший их широкие семантические связи и отношения.

3. *Сопоставительный анализ,* способствовавший установлению семантических сходств и различий между концептуальными областями двух традиционных лингвокультурных ментальностей (русской и армянской), а также определению типологически значимых содержательных сходств и различий между ними.

4. *Семиотический анализ,* на основе которого была выявлена семантическая специфика и культурное функционирование объектов, представляющих анализируемые концептуальные содержания на основе средств их объективации в рассматриваемых языках.

В качестве **материала** исследования использованы фразеологизмы русского языка, пословицы и поговорки из сборника В. И. Даля, а также фразеологизмы армянского языка, пословицы и поговорки из сборника «Армянский фольклор» под редакцией Г. А. Григоряна. Общее количество отобранных для анализа единиц составило 335 русских и 247 армянских паремий.

Теоретическую основу исследования составили связанные с концепцией культурных констант положения, представленные в работах В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, М. Л. Ковшовой, Ю. Д. Апресяна, А. Д. Шмелева, Ю. С. Степанова, Н. Д. Арутюновой, Анна А. Зализняк, А. Вежбицкой и других.

Методологической основой исследования послужили базовые установки современных лингвистических исследований (Ю. Н. Караулов, А. Вежбицкая, Дж. Лайонз, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, Л. Ю. Буянова, Г. И. Берестнев и др.), когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. В. Кравченко и др.), лингвокультурологии (А. Вежбицкая, Анна А. Зализняк, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, Э. Бенвенист, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев, М. Л. Ковшова и др.), теории концепта (Ю. Д. Апресян, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и др.).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые осуществлен структурно-семантический и контрастивный анализ культурных констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» и метонимически связанных с ними концептов в двух языковых картинах мира – русской и армянской. Кроме того, в диссертации решен ряд более частных теоретических вопросов, ранее не находившихся в поле зрения исследователей и проясняющих отдельные стороны заявленной проблемы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русский и армянский языки содержат одинаковые лингвокультурные концепты общего характера, к числу которых относятся «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД»; это константы двух лингвокультурных сознаний – русского и армянского.

2. Лингвокультурные константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русском языке в своей ядерной части тождественны их соответствиям в армянском языке, но вместе с тем имеют определенные семантические различия, что связано с национальными лингвокультурными особенностями двух народов.

3. Специфика лингвокультурных констант проявляется, помимо внутриязыковой, и на уровне «сильной семантики» – в сфере артефактов материальной культуры, номинации которой закреплены в языке.

4. Содержание лингвокультурных констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русском и армянском языках формировалось в значительной мере под влиянием такого важного идейного фактора, как ценностные установки христианства.

5. Содержательные различия лингвокультурных констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русском и армянском лингвокультурных сознаниях наиболее ярко отражены в безэквивалентной лексике соответствующих языков.

6. Фразеологизмы, пословицы и поговорки являются микротекстами, в которых константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» представлены особенно активно.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что разработанные в ней положения относительно семантической структуры указанных лингвокультурных констант могут составить теоретическую базу для дальнейших исследований единиц такого рода, в особенности имеющих целью их соотносительное рассмотрение в разных языках, а также исследований в области когнитивной лингвистики.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее материалов и полученных в ходе исследования выводов при разработке учебных пособий и лекций для преподавания русского языка как иностранного, спецкурсов по межкультурной коммуникации, а также при составлении двуязычных фразеологических словарей. Результаты анализа паремий русского и армянского языков могут стать базой при создании параллельного паремиологического корпуса русского и армянского языков.

Апробация работы. Результаты данного диссертационного исследования, основные положения и полученные данные были представлены в докладах на ежегодной научной конференции аспирантов и студентов «Дни науки – 2017» в БФУ им. И. Кан-

та (Калининград, 10 апреля 2017 г.), на международных научных конференциях «Язык и культура» (Новосибирск, 10 февраля 2017 г.), «Человек и общество в потоке времени и в пространстве слова, культуры, просвещения» (Калининград, 02 марта 2017 г.), «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (Москва, 14–16 февраля 2018 г.), «Innovate development: potential of science and modern education» (Minsk, Belarus, 2018), «Социально-экономические и естественно-научные парадигмы современности» (Ростов-на-Дону, 30 марта 2018г.) и международном научном конгрессе «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (Москва, 06-10 декабря 2021 г.). По теме диссертации опубликовано 12 статей, из них 3 в рецензируемых научных журналах, входящих в список ВАК.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной научной литературы, включающего 210 позиций, четырех приложений, в которых представлены схемы, наглядно демонстрирующие содержание исследуемых констант.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи, определяются объект и предмет исследования, указываются методы и материалы, используемые в данной работе, отмечается ее новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся данные об апробации, указывается структура диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы исследования лингвокультурных констант»**, состоящей из пяти параграфов, содержится аналитический обзор работ по проблематике диссертации. В **первом параграфе** «Языковая картина мира как объект современных лингвистических исследований» дается теоретическое обоснование выбранной темы. Рассматриваются основные концепции В. Гумбольдта, главной мыслью которых является идея о тождестве «духа народа» и языка («язык народа есть его дух и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 105]). Также отмечается, что именно на развитии идей В. Гумбольдта были впоследствии построены многие разделы современного языкознания.

Далее в данном параграфе оценивается вклад Й. Л. Вайсгербера в развитие концепции В. Гумбольдта. Этот исследователь отмечал особую роль мышления в восприятии мира и его членении. Помимо этого, наряду с национально-специфичной природой человеческого мышления, он выявил универсальную и социально-обусловленную природу языка, которая отражается в языковой картине мира. Й. Л. Вайсгербер писал: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются «выученными», то есть общественно

обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» [Вайсгербер 1993: 117].

В Америке последователями идей В. фон Гумбольдта стали Э. Сепир и его ученик Б. Уорф – авторы гипотезы о зависимости мыслей и хода мыслей от языка, на котором говорит человек. Согласно их мнению, представители различных национальностей ведут себя определенным образом, потому что мысли каждого из них находятся под влиянием того языка, на котором они мыслят.

В отечественной науке наиболее последовательно теорию В. Гумбольдта разработал А. А. Потебня. Опираясь на идею активности человеческого сознания, А. А. Потебня развил учение Гумбольдта о языке как деятельности и образующем органе мысли, о его творческом характере, о противоречивом единстве в языке субъективного и объективного, индивидуального и социального начал. Данный подход нашел развитие в работах целого ряда ученых, рассматривавших проблему «Язык – этнос – культура».

Таким образом, идеи неогумбольдтианства повлияли на становление как зарубежной, так и отечественной лингвофилософии XIX и XX веков. Особенное влияние на это направление в лингвистике оказала идея связи языка с «национальным духом» и национальным мышлением.

В первом параграфе также рассмотрены различные подходы к изучению языковой картины мира. Так, В. А. Маслова называет языковую картину мира «общекультурным достоянием нации» [Маслова 2004]. Е. С. Яковлева, в свою очередь, под языковой картиной мира понимает «своеобразное мировидение через призму языка» [Яковлева 1996: 47]. В настоящей работе под языковой картиной мира понимается «исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке систему представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Джиоева 2014: 15].

Существует ряд толкований понятия «языковая картина мира», что объясняется его сложной, многогранной и многоуровневой природой. При исследовании языковой картины мира в данной работе базовым было положение о том, что в языке репрезентируется концептуализация мира, из-за чего каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. При этом национально-культурная специфичность определенного языка наиболее ярко проявляется в словах, которые не отмечаются в другом языке.

Во **втором параграфе** «Характер соотношения языковой и концептуальной картин мира» концептуальная картина мира рассматривается как представление о действительности, сформировавшееся в результате осмысления мира и включающее в себя знание об окружающей действительности и вместе с тем как совокупность разного рода когнитивных и поведенческих стереотипов, которые обусловливают понимание тех или иных явлений действительности. Языковая, т. е. опосредованная языком картина мира является результатом закрепления концептуальной картины мира в

языке и существует в двух аспектах: как часть общего лингво-ментального пространства народа и как часть ментального мира конкретного человека. Отсюда следует, что разница между концептуальной и языковой картинами мира заключается в следующем: первая является совокупностью концептов и ментальных единиц представителей культур, а вторая существует в виде значений языковых единиц и грамматических категорий. Иными словами, языковая и концептуальная картины мира не тождественны друг другу. Можно сказать, что концептуальная картина мира богаче языковой, так как может быть выражена и невербальными средствами.

В **третьем параграфе** «Исследования языковой картины мира в лингвокультурологии» рассматриваются два основных направления исследования языковой картины мира. Вне зависимости от выбранного подхода к ее исследованию описание ее структуры осуществляется в два этапа. Первый предполагает выявление универсального, общечеловеческого в содержании языковых знаков. Второй этап составляет характеристика национально-специфических особенностей языка как результата концептуализации и категоризации окружающей действительности определенной этнокультурной общностью. Иными словами, можно говорить о наличии в языковой картине мира как универсальных, так и культурных и лингвоспецифичных компонентов, которые представляются одинаково важными в процессе исследования.

В **четвертом параграфе** «Понятие константы. Константы, концептуальные универсалии, этноспецифические слова и концепты» показывается, что константы культуры – это содержательные единицы, сложившиеся в далеком прошлом и дошедшие до нас благодаря воззрению различных мыслителей и писателей, а также рядовых носителей языка. Константы принято рассматривать как постоянно присутствующие концепты, независимо от того, являются ли они «априорными, доопытными» или «опытными, эмпирическими» [см. Степанов 2004: 84–85]. Содержательное и символическое многообразие базовых констант возникает в результате наложения и взаимодополнения смыслов, поскольку константы не только отражают реальность, но и творят ее через те содержания, которые вкладываются в базовые категории, образующие антропологическую основу культуры или языковую ментальность народа. Таким образом, при сопоставлении разных языков наблюдаются случаи, когда у вербализированного концепта одного явления или деятельности в одном языке отсутствует соответствующий эквивалент в другом. Случаи подобных лакун будут проанализированы во второй главе настоящего диссертационного исследования.

В **пятом параграфе** «Пословицы и поговорки как средство изучения языковой картины мира» обосновывается важность обращения в данном исследовании к установкам и категориям современной лингвокультурологии. Здесь говорится о значимости выбранного материала, который представляет собой источник культурных данных и предопределяет надежность и корректность выполнения установленных исследовательских задач. Этот материал предполагает и обращение к определенным методам и способам анализа, устанавливает определенное направление, в русле которого

осуществляется исследование. Помимо этого, в данной части работы были определены некоторые установки, которые учитывались при анализе пословиц и поговорок русского и армянского языков в аспекте лингвокультурологии, а также при дальнейшем их сопоставлении.

Вторая глава «Константы в отношении к лингвоспецифичным словам и выражениям: русская и армянская лингвокультурные традиции» состоит из трёх параграфов. В **первом параграфе** «Лингвоспецифичные слова и выражения как явление языка» показано, что лингвокультурный концепт, отражающий своеобразие материального уклада народа, особенности его духовно-нравственных представлений, а также особенности восприятия и познания мира, является основной единицей, позволяющей учитывать национальную специфику культуры, которая находит отражение в языке. Следует отметить, что при языковой номинации национально-культурная специфика наиболее ярко проявляется в наличии в одном языке большого количества слов, которых нет в другом.

Определяющиеся на этой основе уникальные концепты условно делятся на три группы. К первой относятся семантические единицы, в принципе отсутствующие при осмыслении объектов в сравниваемых культурах. Вторая группа включает осмысления топонимических и предметных, историко-культурных и антропонимических реалий, которые отсутствуют в одной из культур, но при этом свойственны другой. В русской культуре таковыми являются «кремль», «кокошник», «комсомольское собрание», а в армянской – «խաչ քար» [khachqar] *хачкар,* букв. *‘крест-камень’*, «տարազ» [taraz] *тараз (армянский национальный костюм)*. В третью группу входят нерелевантные для одной, но актуальные для другой культуры явления, которые имеют свою собственную языковую номинацию. Например, лексика, используемая для величания супругов в русской культуре, не находит аналогов в армянской, так как подобное явление в культуре армян отсутствует. Еще одним примером нерелевантного явления считается феномен, присущий только армянской культуре – պանդուխտ [pandukht] *пандухт, ‘скиталец, насильственно лишенный Родины’*.

Таким образом, в лингвокультурном контексте именно ментальность, отразившаяся в этноспецифическом концепте, определяет навыки осознания человеком окружающего мира. В связи с этим выявление национально-культурной специфики концепта является одной из приоритетных задач лингвокультурологических исследований. Это позволяет увидеть лингвокультуру народа в целостности, самобытности и системности. Через осмысление культурных коннотаций, а также символического прочтения образных основ языковых единиц такой подход позволяет обосновать выбор тех или иных образов в познании человеком действительности, обнаружить в языковых единицах как специфические черты менталитета того или иного народа, так и универсальные смыслы, обусловленные глубинной природой человеческой ментальности.

Во **втором параграфе** «Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и армянском языках (на материале фразеологических единиц с безэквива-

лентной лексикой)» анализируются фразеологические единицы, которые не находят аналогов в армянском языке и языковых реалиях, либо находят выражения эквивалентные, но различающиеся в своих компонентах. Например, русское выражение *заткнуть за пояс*, являясь фразеологизмом, может употребляться и как свободное словосочетание. В армянском же языке оно выступает только как свободное словосочетание, а значение этого фразеологизма передает другая фразеологическая единица: ծալել գրպանը դնել [calel, grpane dnel] '*сложить, убрать в карман' (113)*[1]. С этих позиций можно сравнить и следующие фразеологизмы:

сесть в лужу – ցեխն ընկնել [cexn enknel] *'упасть в грязь' (283);*

ставить на одну доску – նույն արշինով չափել [nuin arshinov chapel] *'измерить тем же аршином' (300);*

рыльце в пуху – մատը խառն է [mate xarn e] '*палец замешан' (268);*

в подметки не годится – եղունգը չարժե [exunge charzhe] '*ногтя не стоит' (35).*

Большое внимание в данной части работы уделяется фразеологическим сращениям, не имеющим в армянском языке лексически соответствующих компонентов и в связи с этим представляющим наибольшую трудность для понимания. Таковы, например:

ни пуха ни пера – բարի հաջողում [bari hajoxum] *букв. 'доброй удачи' (203)*;

зарубить на носу – ականջին օղ անել [akanjin ox anel] *букв. 'серьгу надеть на ухо'(112);*

бить баклуши – ջուր ծեծել [jur cecel] *букв. 'воду бить'*, ճանճ բռնել [chanch brnel] *букв. 'муху ловить' (18);*

семь пядей во лбу – խելքի շտեմարան [khelqi shtemaran] *букв. 'амбар ума'* (շտեմարան [shtemaran] *'амбар', перен. 'сокровищница'),* մտքի ծով [mtqi cov] *букв. 'море мысли' (281);*

за тридевять земель/у черта на куличках – յոթ սարի հետևը [iot sari heteve] *букв. 'за семью горами'*, գրողի ծոցը [groghi coce] *букв. 'в объятиях у черта' (103);*

типун тебе на язык – լեզուդ չորանա [lezud chorana] *букв. 'чтоб твой язык отсох' (311).*

В данном параграфе также приводятся примеры фразеологических единиц, которые находят эквивалентные выражения в армянском языке, но различаются своими компонентами. Например:

брать быка за рога – ձուկը գլխից բռնել [dzuke glkhic brnel] *букв. 'рыбу за голову ловить/держать' (21);*

---

[1] Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Русско-армянский фразеологический словарь. / Сост. А. Ц. Акопян, Е. Н. Тер-Антонянц. Ереван: Луйс, 1985. 343 с. Буквальный перевод наш.

делать из мухи слона – լ ո ւ ն ո ւ ղ տ դ ար ձ ն ե լ [lun ught dardznel] *букв. ‘блоху в верблюда превратить’ (85);*

заячья душа – ծ տի ս ի ր տ ո ւ ն ի [cti sirt uni] *букв. ‘имеет сердце как у птички’ (114)* и другие.

В отдельную группу объединяются русские фразеологизмы, которые не имеют ни лексических, ни семантических эквивалентов в армянском языке. На армянский язык они переводятся путем подбора развернутого словосочетания.

Например, *без пяти минут* – հ ամ արյ ա հ ասե լ է ինչ -ո ր հ աջ ո ղ ո ւ թյ ան [hamaria hasel e inch-vor hajoghutian] ‘*практически достиг какого-либо успеха (удачи)’ (16); без сучка без задоринки* – առ անց ո ր և է խո չ ը ն դ ո թի ո ւ դ ժ վ ար ո ւ թյ ան [aranc voreve khochendoti u dzhvarutian] ‘*без какой-либо преграды и сложности’ (17)* и т. д.

Подобные различия объясняются тем, что язык конкретного общества является составной частью его культуры, а лексика каждого языка фиксирует существенные для данного народа признаки объектов и явлений окружающего мира. Это подтверждается исследованиями различных пластов в словарном составе языка.

В **третьем параграфе** «Цветообозначения в отношении к лингвокультурной константе «РОДИНА» (на материале русской и армянской иконописи)» проведен сопоставительный анализ цветовых обозначений в русском и армянском языках, который позволил выявить универсальное и национально-специфическое в культурных сознаниях носителей двух языков. Обращение к цветообозначениям обусловлено тем, что осмысленный народом цвет является одной из составляющих национальной картины мира, а «цветообозначения рассматриваются как фрагмент мировидения, способствующий формированию национальных языковых картин мира» [Башарина 2000: 5]. Таким образом, цвет, являясь одним из важных факторов восприятия окружающего мира человеком, становится формообразующим элементом лингвокультурной картины мира. Сравнение цветообозначения и символики цвета в иконописи двух христианских культур способствует раскрытию глубокого смысла, заложенного в образах святых, а также выявлению имеющихся сходств и различий в двух христианских культурах.

Общей для русской и армянской культур является символика *белого* и *чёрного*[2], которые в культурном сознании носителей обоих языков соотносятся с оппозициями «хороший/плохой», «добрый/злой». Например, *белый* как символ чистоты, справедливости, честности отмечается во фразеологизмах *белая зарплата, белая полоса жизни* и др. Ему противопоставляется чёрный цвет, символизирующий что-то плохое, злое, враждебное, - таковы, например, *чёрная душа, чёрное дело, черная полоса жизни*. Ср. с армянскими ս պի տակ ե ր ե ս [spitak eres] ‘*чистая совесть’, букв. ‘белое*

[2] Вяч. Вс. Иванов отмечал, что ещё до принятия христианства в Европе существовала общая традиция соотносить цвета со сторонами света. Ср.: север – черный, юг – красный, запад – белый, восток – жёлтый или голубой [Иванов 1980]

лицо’, ս և ա հ ո գ ի [sevahogi] *злой, злобный, букв. ‘чёрная душа’,* ս և ա բ ա խ տ [sevabaxt] *несчастный, горемычный, букв. ‘чёрная судьба’.*

Вместе с тем в результате исследования обнаружились определенные различия в восприятии цвета и придании ему тех или иных значений в двух отмеченных языковых картинах мира. Например, *серый цвет* никогда не использовался в русской иконописи. Считалось, что данный цвет являлся цветом неясности и небытия, так как смешал в себе черное и белое, то есть зло и добро. В то же время в армянской иконописи серый цвет означал начало новой жизни и покаяние и использовался наряду с белым.

В русской культуре особая значимость приписывается красному цвету. Слово *красный* имеет более широкую функцию, нежели просто обозначение цвета. Русские фольклорные тексты изобилуют устойчивыми выражениями, включающими обозначения красного цвета со значением «красивый». Праздничные одеяния в русской культуре были либо красного цвета, либо непременно красной должна была быть какая-то деталь. Одежда, утварь, сундуки у русских расписывались красно-оранжевыми узорами.

Что касается армянской культуры, то в ней важное место занимает *ծիրանի* [cirani] букв. *‘абрикосовый’* – цвет, требующий дополнительного лингвистического комментария. При переводе на русский язык, согласно Армянско-русскому словарю Г. Ачаряна, *ծիրանի* – это «пурпурный, багряный, редко золотой» [Ачарян 1987: 321]. Подобный перевод может вызывать сомнение у носителей русского языка, так как в русской картине мира пурпурный, багряный и золотой – различные цвета. Однако в Армянском толковом словаре А. К. Кочаряна объясняется, что *ծիրանի* [cirani] *букв. ‘абрикосовый’* это не какой-то конкретный цвет, а, скорее, характеристика насыщенности и яркости [Кочарян 1966: 135], присущая в том числе и спелому абрикосу. Более того, можно сказать, что эпитет *ծիրանի* [cirani] не просто представлен в армянском языке, но, по сути, актуален для мышления армянина, где ‘*абрикосовый’* цвет – константа, национальный символ. В армянском языке есть «более 76 слов, образованных при помощи прилагательного ծիրանի» [см. Зулумян 2000]. Также ծիրանագույն [ciranaguin] *‘абрикосовый цвет’* присутствует на флаге Армении, символизируя трудолюбие. В связи с этим ծիրանի [cirani] *букв. ‘абрикосовый’* может быть соотнесен с содержанием константы «ТРУД».

Таким образом, культурная специфика, которой обладают цветообозначения, позволяет рассматривать их в том числе и в связи с базовой семантической оппозицией «свой/чужой». Всё это означает, что одни цвета прагматически осмысляются в связи с Родиной (константой «РОДИНА») и всем родным (в том числе константой «СЕМЬЯ»), другие будут мыслиться как чужие (концепт «ЧУЖБИНА») и как всё неродное. Таким образом, цветообозначения могут рассматриваться как средства реализации констант «РОДИНА», «СЕМЬЯ», «ТРУД» в русской и армянской лингвокультурных картинах мира.

В **третьей главе «Репрезентация констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русской и армянской лингвокультурных традициях»** представлены результаты проведенного контрастивного лингвокультурного анализа ключевых констант мировидения русских и армян «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД». Анализ проведен на материале паремиологического фонда двух языков.

В **первом параграфе** «Константа “СЕМЬЯ”» проанализирован ряд пословиц и поговорок русского и армянского языков, в содержании которых присутствует концепт «СЕМЬЯ». В ходе лингвокультурного анализа все паремии, раскрывающие семейные отношения, были поделены условно на четыре группы: 1) паремии, отражающие значимость создания семьи; 2) паремии, характеризующие взаимоотношения мужа и жены; 3) паремии, характеризующие взаимоотношения родителей и детей; 4) паремии, отражающие отношения между родственниками.

В результате лингвокультурного анализа концепта «СЕМЬЯ» были выявлены сходства и различия в языковых картинах мира русских и армян. Например, в армянском языке существуют строгие разграничения терминов родства, обозначающих некоторые семейно-родственные связи по отцовской и материнской линиям.

Соответствующие данные представлены в следующей таблице.

Таблица разграничения терминов родства в армянском языке

Отцовская линия	Материнская линия
Հորեղբայր [horeghbair] ‘*брат отца’*	Քեռի [qeri] ‘*брат матери’*
Հորեղբորկին [horeghborkin] ‘*жена дяди (брата отца)’*	Քեռեկին [qerekin] ‘*жена дяди (брата матери)’*
Հորաքույր [horaquir] ‘*сестра отца’*	Մորաքույր [moraquir] ‘*сестра матери’*
Հորքուրաք [horqurar] ‘*муж тети (сестры отца)’*	Մորքուրաք [morqurar] ‘*муж тети (сестры матери)’*

В русском языке подобного разграничения нет. Однако В.В. Колесов отметил, что до XIV века в языке существовала дифференциация терминов родства. Раньше четко различались дядя по отцу – стрый, и дядя по матери – уй [Колесов 2000].

Еще одним примером различий в языковых картинах мира служит существующая русской культуре традиция величания супругов. В армянской культуре такой традиции не обнаружено, однако имеется другой яркий элемент армянских семейных взаимоотношений, являющийся противоположным русской традиции – Խուսափում [khusapum] ‘избегание’. Например, жена на людях не могла называть супруга по имени, молодой невестке не допускалось разговаривать с отцом мужа, а мужчина не всегда мог себе позволить брать на руки своего ребенка на виду у других.

Что касается выводов, полученных в результате анализа паремий с концептом «СЕМЬЯ», то здесь наблюдаются определенные сходства и различия в отношении к семье двух народов в их мировоззрении и культурном быте:

1. И в русской, и в армянской языковых картинах мира пословицы и поговорки свидетельствуют о существовании вражды между членами семьи. Однако армянские пословицы и поговорки, в отличие от русских, определяют внешние границы данной вражды и не подразумевают выход за установленные пределы. Ср.: «*Брат на брата – пуще супостата*» - *«Ախպէր ախպորը վատը կուզի, մահը ոչ »* (*Брат брату плохое может пожелать, но смерти – никогда*[3]).

2. И в русской, и в армянской культурах невесту следовало выбирать осмотрительно. Будущая жена должна была соответствовать ряду требований. При выборе невесты и в русском народе, и в армянском советовали обращать внимание на мать девушки, так как от характера матери зависели воспитание, трудолюбие и порядочность дочери. Ср.: «*Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери*» - *«Մորը տես, աղջիկն առ» (На мать посмотри, потом дочь в жены бери).*

3. Отношение окружающих к молодым невесткам и в русской, и в армянской культурах было не всегда доброжелательным. Ср.: «*У лихой свекрови и сзади глаза. Невестке на отместку*» - *«Կեսրոջ մեկ ականջը խուլ, մեկ աչքը քոռ պիտի լինի» (Одно ухо у свекрови должно быть глухим, а глаз – слепым).* Однако в армянской культуре, в отличие от русской, присутствует предвзятое отношение также к зятьям. Проживание мужчины в доме у родителей жены, известное под названием *տանփեսաւթյուն [tanpesautiun]*, считалось позорным. Самого зятя называли *տանփեսա [tanpesa] букв. 'домашний зять'*. Так, народная поговорка гласит: «*Տանփեսա – շանփեսա» (Домашний зять – собачий зять).*

4. Русские идиомы отстаивают патриархальный взгляд на семью. Считалось, что гармоничными отношения будут только в том случае, если жена находится в подчинении у мужа. В армянской культуре, также патриархальной по своему укладу, главой семьи признается муж – տանողեկավար [tan ghekavar], տանտեր [tan ter] '*хозяин дома'*. Однако в армянской культуре, несмотря на то, что главой остается мужчина, переступая порог дома, он подчиняется порядку, установленному տանտիկին [tantikin] *'госпожой дома'*. То есть женщина руководит внутренним пространством дома, мужчина — внешним. Ср.: «*Տղամարդն – արտաքին պատն ա, կինը – ներքին» (Муж – наружная стена, а жена – внутренняя стена дома).*

5. В русских паремиях, в отличие от армянских, отражаются представления не только о хорошей, но и о плохой жене. Ср.: «*Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье» (321);* «*Перед злой женою сатана — младенец непорочный».*

6. В русском паремиологическом фонде, в отличие от армянского, присутствуют пословицы и поговорки, одобряющие рукоприкладство, которое считается верным

[3] Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. Т.2. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

средством воспитания, «учения» непослушной жены: «*Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь)»; «Кого люблю, того и бью. Жену не бить – и милу не быть (326); «Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу (бей, как шубу)!» (327).*

7. И в русской, и в армянской культурах рождение детей считается Божьим даром. Семья без ребенка сравнивалась с очагом без огня. Ср.: «*Дети – благодать Божья»; «Ընտանիքն առանց զավակի հանց օջախն առանց կրակի» (Семья без ребенка, что очаг без огня).* Однако в армянской культуре имело место гендерное разграничение. Так, у армян рождение сына было предпочтительнее. Ср.: «*Լավ է մի կույր որդի, քան թե յոթ առողջ աղջիկ» (Один слепой сын лучше семерых здоровых дочерей).*

8. И в русской, и в армянской культурах мать защищает и оберегает своих детей, заботится о них, дарит им тепло. Ср.: «*Материнская молитва со дна моря вынимает (достает)» - «Մոր օրհնանքը յոթ անեծք կքանդի» (Благословение матери семь проклятий снимет).* Примечательно, что и в русских, и в армянских пословицах материнская любовь бывает сильнее отцовской. Ср.: «*Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота» - «Հորը էթուն մը էթուն մ՝է, մորե էթուն մն է էթուն մ» (Сирота без отца – не сирота, сирота без матери – сирота).*

9. И в русской, и в армянской семье детей с детства приучают к уважительному и почтительному отношению к старшим. Ср.: «*Не смейся над старым, и сам будешь стар» - «Ծերի վրա մի ծիծաղիր, ինքդ էլ կծերանաս» (Не смейся над стариками, ибо и сам будешь старым);*

10. И русские, и армянские пословицы и поговорки о воспитании детей утверждают, что воспитанный, порядочный и благородный ребенок является повторением своих родителей. Ср.: «*У доброго дядьки (батьки) добры и дитятки» «Լավ մարդու որդին փուչ չի դուրս գա» (У хорошего отца (человека) сын не выйдет бездельником /никчемным/).*

Во **втором параграфе** «Константа “РОДИНА”» проведен контрастивный анализ константы «РОДИНА» в двух языковых картинах мира – русской и армянской. Для репрезентации константы «РОДИНА» на материале паремиологического фонда двух языков были отобраны пословицы, имеющие в своем составе лексему *родина.* Проведенное исследование свидетельствует о достаточной семантической близости слов *родина* и *հայրենիք* в русском и армянском языках, что подтверждает статус концепта «РОДИНА» как общечеловеческой ценности.

Тем не менее анализ концепта «РОДИНА» на материале русских и армянских пословиц и поговорок позволил выявить национально-специфические особенности концепта «РОДИНА». И в русских, и в армянских пословицах и поговорках о Родине в первую очередь отмечается безмерная любовь по отношению к родной земле, готовность защищать ее даже ценой собственной жизни. Ср.: русск. «*Каждому свой край сладок» (286); «Родной край – сердцу рай»; «И пылинка родной земли – золото» (286)* и арм. *«Ամեն մարդու հայրենիքն իր համար մի բուրաստան է»*

(Для каждого человека его родина цветущий луг); «Հոր ու մոր արիւնը քաղցր է, վարսի հողն ու ջուրն անուշ է» (Отца и матери кровь сладка, а у Родины – земля и вода). При этом резко осуждается неприязнь по отношению к Родине: «*Худая та птица, которая гнездо свое марает» (285); «Глупа та птица, которой родное гнездо немило» (285).*

Как в русских, так и в армянских паремиях отражается личностное восприятие «своего» пространства, противопоставленное «чужбине». В русских пословицах и поговорках наблюдается противопоставление «своего» с положительной коннотацией и «чужого» - с отрицательной: «*Чужая сторона и без ветра сушит, и без зимы знобит»; «Чужая сторона – вор (разбойник)» (286); «На чужой стороне и весна не красна» (286)*. В армянском мировосприятии, в отличие от русской лингвокультуры, «чужбина» не всегда ассоциируется с чем-то враждебным. Вследствие определенных исторических событий, армянскому народу приходилось жить в других странах, и сложилась поговорка: «*Որ ազգի հետ ապրես նրա սովորույթները ընդունիր» (С каким народом живёшь, того и обычая держись).* Подобное отношение к «чужбине» проявляется в том, что, находясь на чужой земле, армяне не только сохраняли свою самобытность, язык и религию, они также обогащали историю, материальную и духовную культуру той страны, где им приходилось жить. «Чужбина» у армян, скорее, ассоциируется с грустью и тоской по Родине. В армянском языке есть поговорка, в которой ярко проявляется данная ассоциация: «*Պանդուխտի սիրտը միշտ հայրենիքին է նայում» (Сердце пандухта всегда обращено к родине).* Для более глубокого понимания данной поговорки необходимо обладать знаниями о таком феномене, существующем только в армянской культуре, как *пандухт*. Арм. Պանդուխտ [pandukht] *пандухт* – скиталец, результат постоянно повторяющихся насильственных переселений армянского народа, начавшихся еще в VI веке.

Кроме того, в армянском языке требуют особого внимания пословицы и поговорки, в которых концепт «РОДИНА» присутствует имплицитно. Например, «*Մէկ Խաչ իկ հազար տաճիկ» (Один Хачик, тысяча таджиков*); «*Ալի գնաց, Մուսա եկաւ» (Али ушел, Муса пришел); «Շահը գնաց, Մեհմետը եկաւ»* (*Шах ушел, Мехмет пришел).* Такие паремии свидетельствуют о многовековой борьбе с захватчиками, которые пытались лишить армянский народ их родины. В них ярко отражаются исторические реалии, определяющие мировоззрение армян и способствующие глубокому пониманию их отношения к Родине.

Таким образом, концепт «РОДИНА» и в русских, и в армянских паремиях предстает как высшая ценность, но концепт «ЧУЖБИНА» у армян, в отличие от русских, не всегда ассоциируется с антиценностью.

В **третьем параграфе** «Константа “ТРУД”» проанализированы константы «ТРУД» и «ԱՇԽԱՏԱՆՔ» [ashkhatanq] на материале пословиц и поговорок русского и армянского языков. Проведенное исследование позволило сделать вывод о доста-

точной семантической близости констант «ТРУД» и «ԱՇԽԱՏԱՆՔ» [ashkhatanq]. Однако следует учитывать и тот факт, что армянский концепт, выраженный лексемой *աշխատանք* [ashkhatanq], не передает полностью все содержание русского концепта, выраженного лексемой *труд*. Например, при переводе выражения «много *труда* вложено» слово *труд* на армянский переведется как ջանք [janq] ‘*усилие’*. Если в русском языке лексема *усилие* может использоваться для толкования слова *труд*, то в армянском языке ջանք [janq] ‘*усилие’* может являться эквивалентом слова աշխատանք [ashkhatanq]. Еще одно незначительное различие видится в том, что слово աշխատանք на русский язык переводится не только как *труд*, но и как *работа*, тогда как русское слово *труд* на армянский переводится только как աշխատանք. Ср.: «աշխատանքի բաժանում» [ashkhatanqi bazhanum] *разделение труда* и «աշխատանքը եռում է» [ashkhatanqe erum e] *работа кипит*.

Что касается лингвокультурного подхода к данным концептам, то здесь наблюдаются определенные сходства и различия.

Сходства обнаруживаются в следующих положениях:

1. В обеих культурах к труду относятся с почитанием, его воспевают и восхваляют: *«Землю пахать – не в бабки играть»* - *«Աշխատող անոթի չի մնա» (Трудящийся голодным не останется).*

2. И в русской, и в армянской культуре труд противопоставляется слову: *«Дела словом не заменить»; «Խոսքը աստելը չի՝ անելն է» (Надо не говорить, а делать).* Армянские пословицы и поговорки также подчеркивают не только важность труда, но и необходимость качественного выполнения своей работы: *«Золотые руки у того, кто обучился хорошо»* - *«Անուս տարհեստը հարամ է» (Ремесло без мастера впустую, без толку).*

3. В обеих культурах человека принято оценивать по его делам как результату труда – ср.: *«Дерево смотри в плодах, человека – в делах»* - *«Բանն արա, հետո պարծեցիր» (Дело сделай, потом хвастайся (гордись).*

Незначительные различия заключаются в отношении русских и армян к труду:

1. У русских отношение к труду проявляется более четко, у армян же оно неоднозначно. Армяне одновременно и восхваляют труд, но при этом выказывают свое недовольство тем, что приходится много трудиться впустую. В отличие от них в русской картины мира труд чаще всего приносит и моральное, и материальное удовлетворение, в то время как у армян труд не приносит ни богатства, ни статуса. Если русские говорят: «*Горька порой работа, да хлеб от нее сладок»*, то армяне не получают вознаграждения за свой «горький» труд – ср.:: «*Դառը դաառեց, դատարկ ն ուտավ» (Горько (т. е. много) работал, пустой сел (т. е. без результата)*. Скорее, наоборот, все достается тому, кто мало работает: «*Շատ դատողի՝ շալ է շապիկ, քիչ դատողի՝ շար է (մեր տաքուց) շապիկ» (Кто много работает, тому шерстяная рубашка, кто мало работает – шелковая).* Тем не менее, выражая свое недовольство, армянин не перестает относиться к труду как к высшей ценности,

продолжает считать труд смыслом своей жизни. Он скорее смирится с безысходностью своего положения, чем прекратит трудиться: «*Աշխարհում յան լուծ պտի լինի, յան էզը*» *(В мире ты либо ярмо, либо вол).* Армянские пословицы и поговорки свидетельствуют о том, что народ негативно относится больше не к самому труду, а к обстоятельствам, которые вынуждают выполнять работу, не приносящую результата.

2. Как в русской, так и в армянской культуре лень и праздность считаются грехом и жестоко порицаются. Ср.: «*Дело учит и кормит, а праздность – добра мужа портит»; «Долго спать – добра не видать»; «Ով ալ արի, ոչ դալ արի» (Кто поленится, не взрастет); «Չգան էս ինը, չէս կան աքաղի» (Не посеешь, не сможешь сорвать).* Однако в русском лингвокультурном сознании все же отмечаются представления, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к труду: «*От работы не будешь богат, а будешь горбат»; «От трудов праведных не нажить палат каменных»; «На мир не наработаешься».* В армянских же пословицах и поговорках, в отличие от русских, не прослеживается мысль о прекращении работы или перекладывании ее на чужие плечи. Ср. русскую пословицу «*Работа не волк, в лес не убежит»* с армянской *«Մարդ եթե ունենա ան, որ եթե չունենա թոմեռնի» (Человек если имеет чем заняться, займется, если ничего не найдет, пусть умрет).*

Таким образом, можно сказать, что исследуемые константы в полной мере отражают культурные представления о семье, родине и чужбине, труде и лени, хотя в двух отмеченных лингвокультурных традициях и имеют место некие несоответствия. Эти несоответствия объясняются историческими, культурными, социальными причинами, которые не могли не сказываться на восприятии окружающей действительности человеком.

Полученные данные позволяют говорить о тесной взаимосвязи языка и культурного сознания человека, а выявленные сходства и различия в двух отмеченных языковых картинах мира свидетельствуют о различных культурных представлениях, имеющихся у носителей разных языков.

Результат исследования также составляют наблюдения, сделанные в отношении способов репрезентации констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД». Одним из них стала системная взаимосвязь, взаимообусловленность исследуемых концептов. Так, например, константа «СЕМЬЯ» обозначена лексемой *семья*, которая родственна др.-в.-нем. heim ‘*родина*’. Рассмотрим ещё один пример подобного «пересечения» констант «СЕМЬЯ» и «РОДИНА». Русское слово *родина* связано со слав. *род*, которое в украинском языке образовало слово *роди́на*, в белорусском *ро́дзіна*, словацк. *rodina*, и все они имеют одно значение – *семья.* Подобные общие связи, прослеживаемые в родственных языках, не могли не повлиять на языковое сознание носителей языка, а вместе с тем и на культурные представления о данных явлениях. Все это может сви-

детельствовать об открытом пересечении концептуальных областей, находящихся на поверхности исследуемых языковых единиц, таких как *семья* и *родина*.

Еще одно наблюдение, сделанное в ходе исследования, свидетельствует о довольно яркой оценочной окрашенности пословиц и поговорок с константами «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД». Это говорит о том, что, создавая пословицы и поговорки, народ вкладывал в соответствующие содержания свое отношение к описываемому явлению. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Помимо оценки, в пословицах и поговорках наблюдаются идейные стереотипы, которые способствуют «принятию» или «осуждению» описываемого явления, определяют правильность или неправильность поведения человека и устанавливают нравственные рамки в сознании тех, кто использует и будет использовать данные пословицы и поговорки. Таким образом, мы можем говорить о некоем «эталонном наблюдателе» и его отношении к окружающей его действительности, которое в языковом сознании носителей воспринимается как образец поведения. Так, пословицы *«Жену выбирай не глазами, а ушами», «Не с богатством жить, с человеком» и др.* рекомендуют поступать определенным образом в той или иной ситуации, опираясь на уже имеющийся опыт коллективного языкового субъекта – наблюдателя.

Необходимо отметить также языковые особенности и средства содержательной репрезентации констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в русских и армянских пословицах и поговорках. К таким языковым особенностям могут быть отнесены следующие:

1. Парономазия. Например, в пословицах «*Одинокому – хоть утопиться, женатому – хоть удавиться»; «Холостой охает, женатый ахает»; «В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – вдвое прибыло»* содержатся элементы парономазийной организации: фонетически созвучные слова *утопиться-удавиться, сижено-мыкано-выдано* придают поговорке рифмованность, а слова *охает-ахает* различаются только начальными фонемами [о] и [а]. Ярким примером парономазии является армянская пословица *«Ես աղա, դու աղա, մեր աղուն ո՞վ աղա» (Я барин, ты барин, наше зерно кто будет молоть*), в которой обыгрывается омоформа «աղա» [agha], в первом случае являющаяся существительным в значении *‘барин’*, а во втором случае – глаголом будущего времени 3 лица со значением *‘будет молоть’*. Также в словах «աղա» [agha] и աղուն [aghune] *‘помольное зерно’* созвучными являются начальные звуки [agh…].

2. Метафора. Данный перенос наблюдается в пословице «*Горька работа, да хлеб сладок» (22)*, которая представляет собой сложную метафору. В данном примере передается положительное и негативное восприятие объектов «хлеб» и «работа» посредством переноса значения признаков «сладкий» и «горький». В армянской пословице *«Խոսքը դաստդիանը չի՝ ուստդիանն է» (Слово не работающему, а едящему)* слово *խոսքը [xoske] ‘слово’* метафорически представляет «закон», который действует избирательно и принадлежит только богатым. В армянской поговорке

«Աշխարհում յան լուծ պտի լինես, յան էզը» (В мире ты можешь быть либо ярмом, либо волом) также активно действует метонимический принцип (*вол* метафорически представляет тех, кто трудится в поте лица, а *ярмо* – тех, кто пользуется результатами чужого труда).

3. Метонимия. Метонимический перенос прослеживается в пословицах «*Будешь трудиться – будет у тебя и хлеб, и молоко водиться*» (19) ; «*Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*» (19). В связи с этим символом безбедности в русских пословицах и поговорках выступают не деньги, а хлеб и молоко. Также в пословице «*Где работано, там и густо, а в ленивом доме пусто» (19)* в словосочетании *в ленивом доме* осуществляется метонимический перенос, замещая людей или человека, не желающих работать. Еще один пример: «*С руками нигде не пропадешь»,* в котором *руки* метонимически представляют идею физического труда. Еще один пример метонимии встречается в поговорке *«Թամբալի համար 2 շաբաթում օխտը կիրակի» (Для ленивого в неделе 7 воскресений)*, где «воскресенье» посредством широко распространенной метонимии представляет выходной день, а цифра семь обозначает количество дней в неделе (смысл поговорки: *у ленивого каждый день – выходной*).

4. Антитеза. В пословице *«Землю пахать – не в бабки играть»* главная идея передается при помощи антитезы, основание которой представлено глаголами *пахать* и *играть*. Подобное противопоставление отражает сложность и важность труда в отличие от простой игры. Сравнение «земли» и «игры в бабки» призвано продемонстрировать значимость первого по отношению ко второму. В русской пословице «*Деток родить – не веток ломить» (333)* основное содержание передается при помощи антитезы, основание которой представлено глаголами *родить* и *ломить.* Данное противопоставление метафорически выражает базовую оппозицию «сложно/легко», которая может быть связана с оппозицией «важно/неважно». Подобные приемы также используются и в армянских пословицах и поговорках. Например, в поговорке «*Բարեկամ կորցնելը հեշտ է, գտնելն է դժվար» (Потерять [родственников] легко, найти сложно).*

5. Сравнение. В пословице «*Выбирай корову по рогам, а девку по родам (по родителям)» (318),* построенной на основе сравнения, проводится параллель между внешними характеристиками, отражающими качество выбранного «товара». Корову выбирают по рогам, так как по ним можно определить возраст и количество отелов, а будущую жену выбирают, опираясь на ее *род*, то есть семью, которая дала ей воспитание. В паремиях встречаются и другие сравнения, например, родной земли с матерью, без которой немыслимо существование человека: «*Береги землю родную, как мать любимую».*

Таким образом, семантическая структура пословиц и поговорок с константами «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД», с одной стороны, основывается на культурных знаниях носителей языка, а с другой стороны, немаловажную роль в воссоздании скрытых в пословицах и поговорках фрагментов картины мира народа играет обращение к

ассоциативно-семантической сфере. И в том и в другом случае учет человеческого фактора, его знаний и опыта необходим для более четкой и точной репрезентации содержания пословиц и поговорок.

В **заключении** подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Осуществленное исследование ключевых констант двух лингвокультур – русской и армянской – позволило сделать ряд выводов и обобщений, касающихся семантических особенностей этих концептов, в частности способов их языковой репрезентации в пословицах и поговорках.

1. Русский и армянский языки содержат общие лингвокультурные константы, к которым относятся «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД». При этом в ходе исследования было выявлено, что данные содержательные величины имеют характер констант двух лингвокультурных сознаний – русского и армянского.

2. Осуществленное исследование ключевых констант в русской и армянской лингвокультурных ментальностях позволяет говорить о тесной взаимосвязи языка и культурного сознания человека, а выявленные различия в двух языковых картинах мира свидетельствуют о различии культурных представлений, имеющихся у носителей разных языков. Из этого следует, что константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» имеют разное содержательное наполнение, чем, собственно, во многом обусловлена национальная лингвокультурная специфика двух картин мира.

3. И в русских, и в армянских пословицах и поговорках важную роль играют оценочность и позиция внешнего наблюдателя. С этой точки зрения содержательно оцениваются и константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД». Закрепившаяся в их семантических структурах оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Помимо этого, в пословицах и поговорках наблюдаются стереотипы, способствующие «принятию» или «осуждению» описываемого явления, диктующие правильность или неправильность поведения и устанавливающие нравственные рамки в сознании тех, кто использует данные пословицы и поговорки. Таким образом, можно говорить о некоем «эталонном наблюдателе» и его отношении к окружающей его действительности. В языковом сознании носителей языка это отношение воспринимается как образец поведения – реализуется миросозидательная функция языка.

4. Специфика лингвокультурных констант проявляется и на уровне сильной семантики – артефактов материальной культуры, номинации которой закреплены в языке. И в русской, и в армянской культуре отмечаются явления, которые, с одной стороны, сближают две указанные миросозерцательные системы, а с другой – особенно отчетливо демонстрируют их самобытность, становясь, по сути, символами духовной жизни русских и армян. Данные элементы, представленные артефактами материальной культуры, номинации которых закреплены в языке, способствуют проявлению специфики лингвокультурных констант на уровне сильной семантики.

5. Одним из главных факторов в развитии культурных парадигм Древней Руси и Армении стало принятие христианства. В связи с этим содержание лингвокультурных констант в русском и армянском языках оказалось в значительной мере связанным с христианской философией.

6. Содержательные структуры констант «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» как в русском, так и в армянском лингвокультурном сознании, имеют определенную историю и сложились под влиянием различных культурных, исторических, географических и политических условий. Поэтому исследуемые константы отражают в своих содержаниях идейные установки культуры, а также признаки, имеющие определенные культурные основания. Однако закрепленные в пословицах и поговорках представления о семье, родине, чужбине, труде, праздности, лени оказались значительно более богатыми и «подробными», нежели данные этнографии или культурологии.

Перспективы настоящего исследования видятся в расширении ряда исследуемых лингвокультурных констант и дальнейшем их рассмотрении с опорой на тексты пословиц и поговорок. Это позволит выявить смысловые доминанты, закрепленные в паремиологическом фонде русского языка, а сопоставление с каким-либо другим языком (например, армянским) будет способствовать определению национально-культурной специфики исследуемых констант. Однако следует иметь в виду, что рассматривать необходимо не только отдельные слова или концепты, но и целые концептуальные области. Как показало проведенное исследование, рассмотренные константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД» в общем содержании пословиц и поговорок раскрыли свои отдельные содержательные аспекты. Это, по сути, доказывает их континуальность, которая проявляется также в их взаимообусловленности и семантическом взаимодействии.

Основные положения диссертации отражены в двенадцати публикациях автора общим объемом 5,1 п. л.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ:

1. Гаспарян Н. К. Концептуальная область «семьи» в русской и армянской идиоматике. // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. № 11 (65).С. 6–8 (0,32 п.л.).

2. Гаспарян Н. К. Репрезентация концептов «родина» и «հայրենիք» (на материале русских и армянских паремий) // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2018. Т. 16. № 2. С. 207–223 (1,17 п.л.).

3. Гаспарян Н. К. Лингвокультурный анализ концептов «труд» и «աշխատանք» (на материале русских и армянских паремий) // Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук. 2020. № 12. С. 157–161 (0,58 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

1. Гаспарян Н. К. Фразеологизмы с безэквивалентной лексикой: на материале сопоставительного анализа русского и армянского языков. // Universum: Филология и искусствоведение: научный журнал. № 2(36). М., Изд-во: «МЦНО», 2017. С. 65–67 (0,33 п. л.).

2. Гаспарян Н. К. Цветообозначение в иконописи как отражение национальной специфики двух христианский культур: русской и армянской // Язык и культура. Новосибирск, 2017. № 27. С. 202–208 (0,39 п. л.).

3. Гаспарян Н.К. Концепт «Душа» в сопоставительном аспекте: русская и армянская картины мира. // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград, 2017. Т. 8, № 1. С. 84–91 (0,38 п. л.).

4. Берестнев Г. И., Гаспарян Н. К. Идеология армянского и восточнославянского православия в зеркале ритуальных предметов: хачкары и поклонные кресты. // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград, 2017. Т. 7, № 2. С. 49–63 (0,67 п.л.).

5. Гаспарян Н. К. Реализация доминанты «свой-чужой» в русской и армянской лингвокультурах (на материале пословиц и поговорок с концептом «родина») // I Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. материалов международной научно-практ. конф. / отв. ред. Н.Г. Брагина, А.Г. Жукова М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 65–67 (0,15 п. л.).

6. Гаспарян Н. К. Национально-культурная специфика фразеологизмов с безэквивалентной лексикой // СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ парадигмы современности: материалы XIII Всероссийской научно-практ. конф. В 2 ч. Ч 1. Ростов-на-Дону: ООО «ПРИОРИТЕТ», 2018. С. 440–445 (0,32 п.л.).

7. Гаспарян Н. К. Формы языковой игры в пословицах и поговорках. // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. №3(35). С. 69–74 (0,25 п.л.).

8. Гаспарян Н. К. Пословицы и поговорки как источник при изучении русской и армянской языковых картин мира // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. № 11 (43). С. 124–129 (0,24 п. л.).

9. Гаспарян Н. К. Цветообозначения как лингвокультурные константы (на материале русской и армянской иконописи) // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: сб. материалов Международного научного конгресса. В 3 ч. Ч. I. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 17–19 (0,3 п. л.).

Гаспарян Нина Карапетовна

Лингвокультурные константы «СЕМЬЯ», «РОДИНА», «ТРУД»
(на материале русского и армянского языков)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 28 февраля 2022 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ 20

Отпечатано в типографии
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Гайдара, 6.